ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 94(44)

ЦЕЗАРИЗМ. КАКИМ ОН БЫЛ В 1865 ГОДУ¹

Уолтер Баджот

Аннотация. Проблема соотношения просвещения, демократии, эффективной политической власти и качественного государственного управления до сих пор не теряет своей актуальности среди современных политологов. Британский политический философ Уолтер Баджот (1826–1877) как раз затрагивал такого рода аспекты в своей работе, которая, по сути, является критическим очерком развития феномена цезаризма во Франции. Оттолкнувшись от прецедента в Древнем Риме, автор сосредоточился на сравнительном анализе преимуществ и недостатков имперского режима. Интересны замечания мыслителя о зарождении явления «полуправды», взаимосвязи политики, просвещения, образования. Баджот делает вывод, что противоречия цезаризма связаны с проблемой концентрации власти.

Ключевые слова: цезаризм, Французская империя, государственное управление, концентрация власти, Уолтер Баджот, просвещение, Наполеон III

CAESARISM. AS IT WAS IN 1865

Walter Bagehot

Abstract. The problem of the ratio of education, democracy, effective political power and high-quality public administration has not yet lost its relevance among modern political scientists. The British political philosopher Walter Bagehot (1826–1877) discussed such questions in his critical essay on the phenomenon of Caesarism in France. Starting from an analysis of precedent in ancient Rome, the author had focused on a comparative study of the advantages and disadvantages of the imperial regime. The thinker's comments on the emergence of the phenomenon of half-truth, the connections between politics and education are of particular interest. Bagehot concludes that the contradictions of Caesarism are associated with the problem of concentration of power.

Keywords: Caesarism, French Empire, public administration, concentration of power, Walter Bagehot, enlightenment, Napoleon III

Чтобы не сложилось впечатление, будто предыдущие сочинения г-на Баджота выражали его окончательное мнение о характере имперского режима Луи Наполеона, было сочтено правильным опубликовать статью, написанную им для журнала Economist после визита во Францию в 1865 г. Настоящая статья была призвана скорректировать

¹ Перевод осуществлён Я. Ю. Моисеенко по изданию: Bagehot W. Caesarism as it existed 1865 // Literary Studies. W. Bagehot. Vol. III. Longmans, Green, and Co. 1903.

те ложные впечатления, что могли спровоцировать его предшествующие эссе, ещё несколько юношеские. Данный текст появился вскоре после публикации Emperor's Life of Julius Caesar¹.

Это поразительно, что французский император располагает свободным досугом и его разум не слишком обременён делами, чтобы писать биографию, но если уж он примется её писать, то выбор предмета этого сочинения весьма очевиден. Юлий Цезарь был первым императором, кто строил свою власть на характерных принципах Французской империи, потом уже Наполеон I возродил их, а Наполеон III – окончательно закрепил. Феномен правителя-демагога и сражающегося, и вместе с этим дискутирующего, был известен греческим республикам, но размеры этих республик были невелики, а история их невыразительна.

На большой странице всемирной истории Юлий Цезарь – первый пример народного деспота. Он свергнул аристократию, погрязшую в коррупции и, возможно, пребывающую в упадке, но всё же аристократию, с помощью простого, неорганизованного народа. Он обратился к большинству римских граждан со словами: «Я ваш защитник и ваш лидер: сделайте меня верховным правителем, и я буду править для вашего блага и от вашего имени». И это точная иллюстрация принципа Французской империи.

Невозможно понять его просвещённый деспотизм, если ясно и точно не разграничить его от феодальной доктрины власти предшествующей эпохи и её претензий на легитимность. Монархи давнишних времён требовали подчинения народа на основании долга. Они неустанно взывали к людской преданности. Они апеллировали к совести, даже к религии. Но не Луи Наполеон, он – бентамовский деспот. Он выступал за «величайшее сча-

стье наибольшего числа людей». Он говорил: «Я нахожусь на своём месте, потому что я знаю лучше, чем кто-либо ещё, что хорошо для французов, и они знают, что я знаю это лучше них». Нет, он не помазанник Господа Бога, он – проводник интересов народа.

Мы не можем здесь обсуждать, как проявляла себя эта система в древние времена. Страницы научного журнала не лучшее место для развёртывания исторической диссертации, но мы вправе очень кратко изложить результаты недавних наблюдений за ней в том виде, в каком существует она сейчас, как эта система действует во Франции. Некоторые её проявления хорошо изучены в Англии, но мы думаем, что часть из них остаётся в тумане и не до конца осознана.

Во-первых, Французская империя – действительно самая завершённая демократия, которую когда-либо видел мир. Того, что многие сейчас только желают, уже воплощено в ней с такой живостью, точностью и полнотой, что не имеет аналога ни в истории прошлого, ни в настоящем опыте. Абсолютное государство с народным «инстинктом» беспрепятственно управляет людьми, известными своей готовностью ему служить. Пока англичанин продолжает совершать одну ошибку за другой, а немец предаётся размышлениям, француз организует систему управления, реальную и эффективную. Конечно, американец действует так же быстро и, в какой-то мере, так же эффективно, но несколько опрометчиво, а исполнение его очень грубо; его действия напоминают «забег с препятствиями», что он не стремится перепрыгнуть, а сокрушает всё на своём пути. Француз не суетится: он преднамеренно добивается совершенства в деталях, на что можно положиться, поскольку эта работа никогда им не откладывается.

Бюрократизм французского правительства не просто терпим, он может быть даже приятен. Обыватель, который хочет, чтобы политические вопросы ре-

¹ Bagehot W. Caesarism as it existed 1865 // Literary Studies. W. Bagehot. Vol. III. Longmans, Green, and Co. 1903.

шались без его участия, получает это от него. Благополучие масс – искомое благо нынешнего большинства – воспринимается им как задача правительства и как закон любого политического устройства. Империя даёт французам полное удовлетворение их главных желаний и, можно сказать, художественный уровень исполнения государственного управления, шлифованного настолько тонко, как только одни французы способны сделать, и чего никто прежде не добивался.

На такое правительство возложена большая забота о материальном благополучии, и оно действительно заботится об этом. Это приносит людям такой комфорт, какой они могут себе позволить. Если им не становится комфортнее, это уже будет на их совести. Государство предоставило бы им свободу торговли, что, как следствие, принесло бы им облегчение, если бы могло. Ни одно бывшее французское правительство не сделало столько для установления свободной торговли, как это. Ни одно правительство не стремилось развивать железные дороги и промышленность, как это. Франция сильно изменилась за последние 12 лет. И это не только заслуга Империи, поскольку последняя вступила в права великого наследия; сейчас она пожинает плоды безмолвного труда свободной монархии, разрушенной революцией. В те времена были заложены ростки перемен, обещавшие «богатый урожай»: они были готовы вот-вот проявиться, взойти, но при неразумном правительстве этого бы не случилось, они просто бы погибли. При ловком обращении нынешнего правительства они выросли такими, чтобы поразить всю Европу и саму Францию.

Если бы, действительно (и как это часто утверждается), главной озабоченностью правительства было бы *счастье* наибольшего числа людей *здесь и сейчас*, то нам было бы трудно представить какое-либо другое французское правительство, что было бы лучше нынешнего в этом аспекте или хотя бы таким же. Осведомлённость

императора в экономических вопросах – о хлебе и мясе для народа – действительно превосходит знание об этом противостоящих ему классов. Он даёт нынешней нации французов больше благ, чем кто-либо другой дал бы им, и он дарует их от собственного имени. У них есть столько, сколько они хотят. Но стоит нам представить, что истинной целью государства будет не текущее благополучие большинства, а его *грядущее возвеличивание*, наша оценка Империи странным образом изменится. Это правительство прекрасно годится для решения грубых, сиюминутных задач, но отвратительно для достижения будущих, изысканных целей.

Во-первых, правительство препятствует распространению образования, останавливает действенное внушение важной мысли массам. Все другие интеллектуальные усилия Империя не только разрешает, но и поощряет. Высокий интеллект Парижа столь же активен и представлен также широко, что и интеллект Лондона, он даже более проницателен. Интеллект по-прежнему занимает (и всегда занимал) здесь особую позицию. Быть членом Института Франции (*Membre de l'Institut*) во Франции почётно; но в Лондоне это означает быть «умником», и это неоднозначное определение. Мысль высокого порядка обсуждается в парижском обществе гораздо лучше, чем в лондонском, и аргументируются лучше в *Revue des Deux Mondes*, чем в любом английском периодическом издании. Философствование во Франции не было уничтожено Империей: мысль всё также находчива, строга, остра, какой и была всегда. Но хотя она ещё жива, её больше нельзя назвать всемогущей – она не способна учить массы. Пусть *Revue* разрешено, но газеты – самый действенный инструмент воздействия на широкие умы – под запретом. Курс открытых бесплатных лекций на популярные темы в Париже невозможен. Публичное обсуждение запрещено, но только оно способно научить. Невежественные массы пропускают мимо ушей философские трактаты,

изысканные статьи, изящную литературу. Есть только два инструмента, достаточно проницательных, чтобы преодолеть смутность их умов – газетная статья и публичное выступление, но оба они запрещены.

В Лондоне всё обстоит ровно наоборот. Мы можем сказать, что только самое громкое выражение мысли имеет должный эффект. Одна популярная литература наполняет умы людей незавершёнными мыслями, при этом хорошо обдуманный материал, тщательное исследование, тихая мысль так и остаются не услышанными. Люди настолько оглушены громким повторением множества полуправд, что у них нет ни любопытства, ни энергии для тщательного изучения предметов. Сами слова «подробный», «тщательный» превратились в упрёк: глубокое изучение производит знание, что не нравится массе людей, потому что оно выше их, оно утомительно, потому что требует от них усердия, требует внимания, сложно, потому что несёт правду. В целом, пожалуй, английская мысль едва ли ещё когда была такой незавершённой, такой разрозненной, рваной, как сейчас. Мы ведём так много мелких дискуссий, что нас не хватает на полноценное обсуждение, мы так много едим «на ходу» в течение дня, что портим себе полноценный ужин. Соответственно, на континенте философская мысль Англии презируется. Считается, она скудна, невозделана и незрела. Нам остаётся возразить лишь одно. Наша мысль может быть скудной, грубой и фрагментарной, но она действительна. С нашими газетами и нашими выступлениями, с нашим множеством шумных, но равнодушных болтунов мы вбиваем идеи немногих в умы многих. Пусть «голова» Франции поумнее нашей, но она не управляет собственным телом. «Голова» же Англии грубая и неотёсанная, но она хозяин своему телу и регулирует всю его жизнь.

Франция, как она есть сейчас может чувствовать себя счастливее благодаря Империи, но в будущем её ждёт невеже-

ство из-за той же Империи. Театр высшего ума для просвещения низших умов отныне закрыт. Нынешнее правительство предоставило людям подобие свободной торговли, но оно не могло вынести публичного обсуждения в защиту этой свободной торговли. Демократический деспотизм подобен теократии; он подразумевает свою собственную непогрешимость. Он как будто говорит: «Если я представляю людей; я здесь, потому что осведомлён, чего они хотят, а осведомлён в этом, потому что знаю, что они должны иметь». Кавеньяк сказал однажды: «Правительство, которое позволяет ставить под сомнение свои принципы, это потерянное правительство». Все публичные дискуссии, чему бы они ни были призваны *научить* правительство, в корне противоречат самой гипотезе Империи. Она гласит, что всеведущий Цезарь – не-правильный Цезарь, он не годится на эту роль, поскольку Цезарь представляет не-ведущий народ.

Вырождение будущего – неотъемлемый порок имперского порядка, но не единственный, пока ещё не величайший. Величайшее преступление – это настоящее. Оно ложится на человека настолько большим бременем, что его природа не способна этого вынести. Всё требует поддержки, помощи, поощрения со стороны правительства, и тем не менее ожидается, что это правительство сохранит чистоту. Железнодорожные концессии, концессии с ограниченной ответственностью – по сотне предметов, разрешение по суду, административная помощь, всё это необходимо для зарабатывания денег. Небольшая группа официальных лиц наделена властью превращать людей в богачей, и наивно полагать, что они не будут озадачены собственным обогащением. Сам принцип этой системы – концентрация власти, а власть – это деньги.

Сэр Роберт Уолпол говорил: «Ни один честный человек не может быть министром», а во Франции соблазны побеждают честность всех людей. Эта система

требуется, чтобы в ней работали ангелы и, возможно, ей не повезло найти таковых. Один кивок министра на бирже может стоить состояния и, так или иначе, министры наживают свои состояния. Парижская биржа всё ещё настолько мала, что капиталист, имеющий большие шансы преуспеть, может произвести на ней большой шум, а капиталист, находящийся в контакте с большим министром – колоссальный шум. Соответственно, всё, что сопровождается внезапным обретением богатства, является следствием обивания порогов императорского двора.

Император исправил бы многое, если бы мог, но что он может сделать? Говорят, он сказал, что не изменит своих подданных. Он не заменит вечно жадных до крови блох теми, что хотя бы иногда насыщаются. И он прав. Сама система содержит в себе дефект, и это не вина людей; огромная концентрация власти в индустриальной системе чревата преследованием материальных выгод.

Это два основных недостатка, от которых Франция страдает, благодаря своему нынешнему правительству; это большая часть цены, которую она должна заплатить за счастливый момент настоящего. Каждый день она вынуждена ощущать действительную безнравственность, она жертвует образовательным процессом, который мог бы возвысить французскую нацию, особенно ещё не родившихся её представителей. Но эти два недостатка не единственные.

Франция имеет материально обеспеченное, прочное настоящее, но ей не светит такое же прочное будущее. Всем, что обеспечивает нынешнюю промышленность, наделяет её правительство; во всём, что требует уверенности в завтрашнем дне – она бессильна. На взгляд англичанина, ещё немного, и Франция будет нуждаться в кредитовании. Депозиты страны в Банке Франции составляют всего 1 млн фунтов стерлингов; у этого банка 59 отделений, и он является крупнейшим национальным банком Франции.

Все дискуссии о валюте возвращаются к идее установления принудительного курса (*cours forcé*), неизбежной необходимости предоставления неконвертируемым банкнотам безвозвратного тендера на период революции. Если вы предложите простейшие кредитные операции французскому банкиру, он скажет: «Вы не помните 1848 год? Я помню». И каков ответ?

Нынешнее правительство явно зависит от Цезаря и демонстративно сосредоточено на его фигуре. Существование этого правительства зависит от того, является ли постоянным резидентом дворца Тюильри человек неординарный. Демократический деспот – представитель народа, он должен обладать прозорливостью, чтобы угадывать волю народа, и проницательностью, чтобы исполнять её. Какова вероятность того, что эти качества будут переданы по наследству? Можно ли ожидать их от следующих наследников: ребёнка в качестве Императора и женщины в качестве его регента?

Настоящее счастье Франции – это счастье краткосрочное, оно может закончиться вместе с жизнью немолодого человека, который не щадил себя, который всегда думал, который всегда жил, а не существовал.

Таковы характеристики Империи как она есть. Такова природа правительства Цезаря, каким мы знаем его в настоящее время. И вряд ли следует ожидать в исторической ретроспективе, что даже исключительные способности Наполеона III позволят сгладить те болезненные впечатления, что были оставлены соприкосновением с нынешней действительностью.¹

¹ Прим. ред. оригинального издания: В качестве любопытной иллюстрации оценки характера Третьей Империи г-ном Баджотом, я могу упомянуть, что предыдущие части этой статьи – всё то, что выступало апологией имперского режима в вопросах материального процветания – были опубликованы во французских официальных журналах, в то время как столь же правдивая и даже более полезная критика его моральных недостатков в этой части была аккуратно опущена.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уолтер Баджот (1826–1877) – британский политический философ.

INFORMATION ABOUT THE A UTHOR

Walter Bajot (1826–1877) – the British political philosopher.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

INFORMATION ABOUT THE A UTHOR OF THE TRANSLATION

Jan Yu. Moiseenko – Research Assistant, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баджот У. Цезаризм. Каким он был в 1865 году / пер. с англ. Я. Ю. Моисеенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 159–164.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-159-164

FOR CITATION

Bagehot W. Caesarism as it existed in 1865. (Russ. ed.: J. Yu. Moiseenko, transl. *Tsezarizm. Kakim on byl v 1865 godu*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 159–164.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-159-164